

УДК 101.1:316

КРИТИКА ИДЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Коротченко Ю.М.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Email: yuliyakor03@gmail.com

Статья исследует средства философской критики идеологии в феноменологической герменевтике. Целью исследования является обнаружение истоков философской критики идеологии и раскрытие роли феноменологической герменевтики в становлении философско-рефлексивного подхода к идеологии. Новизну результатов исследования автор связывает с обнаружением принципиальной возможности использования идей философской текстологии для исследования идеологии, воплощенной в совокупности текстов. Выделена специфика философского рассмотрения идеологии как не ангажированного, обобщенного и безоценочного в отношении ее конкретных разновидностей. Отмечено, что не-ангажированность философского рассуждения об идеологии проявляется в том, что оно является аксиологически нейтральным рассуждением о какой-то или чьей-то конкретной идеологии, а генерализованность результатов такого рассуждения – в том, что его предметом является «идеологическое» как таковое. Выявляются основания для философско-критического рассмотрения идеологии в текстовом подходе в социальном знании. Обращается внимание на то обстоятельство, что и текстовый подход, и включение сего точки зрения в объектную зону философской критики таких социальных явлений, как идеология, были инициированы феноменологической герменевтикой.

Ключевые слова: идеология, философская критика идеологии, феноменологическая герменевтика, текстовый подход в социальном знании.

Необходимость философски-рефлексивного размышления об идеологии определяется растущим в атмосфере информационного противоборства (information warfare) массивом проявлений идеологического в публичном пространстве – как отечественном, так и зарубежном. Причем в отношении первого эта необходимость усугубляется значительным по продолжительности периодом моно-идеологического господства, включавшего в себя крайние формы тоталитарного надзора. Имеющегося на сегодняшний день исследовательского материала, на наш взгляд, достаточно для того, чтобы наступила философская реакция на него. Однако рефлексия на предмет того, что представляет собой идеология как таковая, какую реальность не просто описывает, а создает идеология, каковы границы идеологического – такая рефлексия в собственно философии началась не сегодня и по другому поводу, чем обострение information warfare. По моему убеждению, она была начата феноменологической герменевтикой Поля Рикера. В целом, настоящая публикация является первой частью исследования того, как возможна философская критика идеологии. Здесь мы будем говорить о том, как такая критика начиналась,

каковы ее методологические основания, в чем ее феноменологически-герменевтическая специфика. Средства философской критики идеологии в феноменологической герменевтике составляют предмет настоящего исследования. Его целью является обнаружение истоков философской критики идеологии и раскрытие роли феноменологической герменевтики в становлении философски рефлексивного подхода к идеологии. Новизна результатов данного исследования связана с обнаружением принципиальной возможности использования идей философской текстологии для исследования идеологии, воплощенной в совокупности текстов.

Актуальность темы исследования автор видит в том, как сегодня сосуществуют философия и идеология в качестве влиятельных сфер порождения социально значимых смыслов. Новейшие формы идеологии не вытекают из исторического развития некоторого общественного субъекта, они конструируются политтехнологами как средство реализации политических, т.е., властных, намерений заинтересованных заказчиков. Изначально (в 18 веке) понимаемая как учение об идеях и в этом смысле близкая философии, будучи подвергнута критике со стороны Наполеона, говорившего о ней как о чем-то далеком от политических реалий и потому совершенно ненужной, идеология сегодня становится чрезвычайно практичной, и утилитарное отношение к ней укрепляется. Иными словами, произошла трансформация содержания идеологии как формы осознания обществом себя. По этому поводу в недавнем масштабном исследовании под названием «Философия и идеология: от Маркса до постмодерна» отмечается: «Не исключено, что нам сейчас приходится одновременно заново проходить азы отношения качественной философии к идеологии и осваивать новый язык говорения об идеологическом, а то и открывать для себя принципиально новую предметность» [1, с. 20].

Расширяется арсенал средств идеологического влияния, за счет чего объект такого влияния становится все масштабнее. Средства массовой информации изобилуют идеологически насыщенными передачами, транслируемыми, в том числе, и в прайм-тайм в формате политических ток-шоу. Идеологическое сегодня говорит о себе во весь голос. При этом аудитория у философии в гораздо большей степени профессиональна и потому значительно уже: философия не использует так обширно СМИ, чтобы быть услышанной. Где же они пересекаются? Такое пересечение происходит, когда идеологическое становится предметом философского исследования.

В современном социальном знании сложились разные контексты изучения идеологического, но в них превалирует политология: исследования отдельных идеологических феноменов в сугубо политическом ключе и политологические исследования, проявляющие тенденцию к междисциплинарности. Среди них лидирующие позиции занимают политическая психология, политическая лингвистика и теория политической коммуникации [2 – 10] (обширный анализ идеологии как учения об идеях в историческом аспекте дается в [11]).

Собственно философский интерес к идеологическому реализуется в контексте изучения диахронических отношений философии и идеологии [1], а также

в области изучения отношения к идеологии социальных наук в целом [12]. Российские исследования свидетельствуют о том, что историческая «травма» господства одной идеологии постепенно изживается: отношение к идеологии объективируется, идеологические коллизии начинают изучаться как феномены прошлого, в историческом контексте, в том числе и как включенные не только в отечественную историю идей. Появляются также публикации о возможности, необходимости, средствах [13] и невозможности [14] собственно философской критики идеологий в настоящее время и о том, каковы перспективы такой критики. Так, Э.Ю. Соловьев говорит о том, что в «контексте информационного противоборства освоение и как можно

более раннее внедрение логико-аналитической культуры в практику образования делается «условием сохранения разума» [13, с. 8]. Анализируются актуальные философские дискуссии по идеологической тематике и как их результат – определение «топологии» философского исследования идеологии. В частности, П.С. Гуревич отмечает: «Власть стремится узаконить своё первородство именно с помощью социальных мифов и фальсификаций. Она уже научилась адаптироваться к массовым иллюзиям. Здесь и обнаруживается потребность в «критике идеологии» [15, с. 21].

Должна ли философия говорить об идеологии? Не достаточно ли исследований идеологии в сфере *political sciences* или междисциплинарного ее изучения без участия философии? Полагаю, что такого рода вопросы являются частными случаями вопроса о том, когда философия должна включаться в изучение предмета, имеющего общественную значимость и включенного при этом в объектную область других дисциплин. На наш взгляд, это должно происходить, когда возникает угроза тому способу видения и обсуждения социально значимых вопросов, который свойствен только философии. И на фоне интенсификации *information warfare*, взвинчивания аудитории СМИ посредством предложения ей идеологических текстов различных видов – от газетной публицистики до скандальных интервью на радио и ожесточенных дискуссий на транслируемых по ТВ политических ток-шоу - общественная потребность во взвешенном, объективизированном отношении к идеологическому как таковому становится все более очевидной. Усиление информационного противоборства свидетельствует о вытеснении зоны непредвзятого отношения к идеологии, трансформации публичной сферы в сторону деструктивных идеологических противостояний и неизбежно связано с развитием манипуляционных информационных технологий. Кроме того, результаты частного изучения идеологии нуждаются в эффективном обобщении, которое могло бы существенно дополнить ее образ в качестве объекта междисциплинарных социальных исследований.

Как может философия говорить об идеологии, сохранив свою специфику, т.е., в определенной степени дистанцированно и в этом смысле критически? Философская рефлексия осуществляется, будучи не обусловленной факторами внешнего для нее порядка, при этом получаемые результаты по степени обобщенности не могут быть получены в частных дисциплинах. Не-ангажированность философского рассуждения об идеологии проявляется в том, что

оно не сводится к оценочным суждениям о какой-то или чьей-то конкретной идеологии, а генерализированность его результатов обеспечивается тем, что это рассуждение об идеологическом как таковом. В случае если речь идет об идеологии конкретного политического субъекта, то она рассматривается как материал для обобщения частного – политологического, политолого-лингвистического и т.п., исследования; как случай идеологического самого по себе, родовые особенности которого оговариваются специально и на языке парадигмы, к которой принадлежит философский текст. Такой текст на языке некоторой философской традиции в этом случае может быть об общественно-политических идеалах и ценностях, о политических доктринах, программах, лозунгах, символике – о том, в целом, что подпадает под понятие «идеологическое». В самом общем виде это всегда некоторая одна идея, которую все другие идеологические феномены лишь иллюстрируют и подтверждают – идеологические системы тяготеют к монизму. Тогда перечисленные элементы объема понятия «идеологическое» (список открыт) становятся составляющими объектного языка, метаязык для которого задается философским текстом о них. Но задачей такого текста, на наш взгляд, является раскрытие именно этой центральной идеи, составляющей смысл некоторой идеологической системы. Философский текст как текст о смысле идеологии вообще и отдельных идеологических систем, во избежание спекулятивности, с одной стороны, и рисков различного редукционизма, с другой, может обратиться к некоторой эмпирии, на материале которой его автор не спекулятивно и одновременно не редукционистски рассуждает о вышеперечисленных проявлениях идеологии.

О какой эмпирии идет речь? Современная парадигма социальных исследований, которую уместно называть интерпретационной, позволяет рассматривать в качестве адекватной эмпирии тексты об общественных идеалах, ценностях, политических взглядах и т.д. Корректность этого шага обусловлена спецификой идеологических форм: их самих по себе в явном виде нет нигде, кроме как в проинтерпретированных действиях социальных субъектов или адресованных общественности текстах от их лица. Эти формы представляют собой совокупности смыслов, рожденных в результате понимания, оценки и, в конечном счете, интерпретации социальной реальности, подчиненной одной, центральной, идее, в то время как реальностью смысла может быть только текст или социальная реальность, мыслимая как текст. Текстовый подход сегодня применяется и в социально-философских исследованиях [16]. Общественная реальность может быть рассмотрена как текст, и это эффективно для раскрытия важных ее сторон в силу того, что социальная жизнь, ее события всегда осмысленны – поняты, оценены, проинтерпретированы и, более того, воспроизводятся посредством осмысления.

Этот философский подход к познанию общества был инициирован феноменологической герменевтикой [17], и герменевтический текст об идеологии становится исторически первой формой философской критики этого феномена. Так, П. Рикер так говорит об уместности парадигмы текста и интерпретации для социальных наук: «1) ... их объект обнаруживает некоторые черты, конститутивные для текста как такового, 2) ... поскольку в их методологии разрабатываются

процедуры, аналогичные «Auslenung» (истолкованию – Ю.К.) или интерпретации текста» [там же, с. 25]. В отношении же именно идеологии Рикер настаивает на феноменологическом ее рассмотрении (на феноменологии идеологии) в связи со злоупотреблением и неправильным употреблением этого понятия в дискуссиях: «Только скрупулезная семантика, контролируемая точным описанием ситуаций, которым это выражение релевантно, могла бы положить конец этому злоупотреблению; таким был бы подход, который я называю феноменологией. (Я бы мог сказать семантическая феноменология, но достаточно сказать феноменология, поскольку очерчивание этого феномена с необходимостью имеет лингвистическое измерение.)»³ [18, с. 44]. В вопросе применения текстового подхода в социальных науках Рикер, сохраняя интенцию феноменологической герменевтики, обращается не к логике и не к лингвистическому анализу, и, как становится ясно, не к структуралистскому пониманию языка, а к лингвистике именно в той ее части, которая говорит о дискурсе как о событии языка. Дискурс как событие языка, по Рикеру, обладает несколькими существенными чертами. Во-первых, это темпоральность («момент дискурса»); во-вторых, самореферентность «момента дискурса» (дискурс, в отличие от бессубъектного языка, указывает на говорящего посредством личных местоимений); в-третьих, репрезентативность (дискурс всегда указывает на что-то, в то время как язык в чистом виде не репрезентативен); наконец, в-четвертых, коммуникативность (дискурс обращен к Другому, язык же представляет собой только условие коммуникации, которой он может предоставить некоторые коды) [17]. Обращенность дискурса к Другому неизбежно ставит вопрос о понимании дискурса. Язык в качестве чистой возможности речи понять невозможно, потому что нельзя понять то, что никому не адресовано, и проблема понимания становится здесь избыточной. Коммуникативное измерение дискурса делает его релевантным предметом феноменологической герменевтики как герменевтики социального.

Преимущества рассмотрения дискурса перед рассмотрением языка в социальных исследованиях Рикер исследует и в контексте сопоставления устной и письменной форм адресации дискурса. Обращаясь к теории речевых актов, он говорит о функции письма фиксировать сказанную речь, которая позволяет трактовать концепт смысла предельно широко, распространяя его на «все аспекты и уровни намеренной экстерииоризации, делающей возможной запечатление дискурса» [там же, с. 27]. Говорит он и о несовпадении в письменном тексте смысла текста и интенции автора, об обнаружении в письменном тексте духовного характера дискурса в силу присутствия в нем (тексте) неостенсивных референций; наконец, о том, что письменная форма адресации дискурса разрушает границы диалога между двумя собеседниками устной коммуникации и обращает дискурс к любому умеющему читать человеку, к аудитории, которую дискурс в этом случае создает. Перечисленные свойства дискурса, специфически проявляемые в письме, поставлены Рикером в соответствие осмысленному действию как действию социальному в той трактовке, которую предложил М. Вебер в его «понимающей

Перевод с англ. мой - Ю.К.

социологии». Таким образом, важнейшим шагом, предопределившим сегодняшний облик социального знания, со стороны социологии стало известное введение М. Вебером понятия смысла социального действия, а со стороны философии – применение П. Рикером модели текста к осмысленному действию. Сегодня можно констатировать факт текстового или интерпретационного поворота в социальном знании. Применительно к предмету настоящей публикации подчеркнем, что собственно философская критика идеологии оказалась возможной, прежде всего, благодаря феноменологически-герменевтическому погружению предметной сферы социального знания в реальность текста.

Список литературы

1. Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – 464 с.
2. Kolvraa C., Forchtner B. Cultural imaginaries of the extreme right: an introduction // *Patterns of Prejustice*. 2019. Vol.53, Issue 3, pp. 227–235.
3. Umbach M., Clulow Z. The Political is Personal: an Analysis of Crowd-Sourced Political Ideas and Images from a Massive Open Online Course // *Journal of Political Ideologies*. 2019. Vol. 24, Issue 2, pp. 121–138.
4. Petrović N. EU Ideology // *Innovations: The European Journal of Social Science Research*. 2016, Vol. 29, Issue 1, pp. 5–76.
5. Zeitzoff Th. Anger, Exposure to Violence, and Intragroup Conflict: A “Lab in the Field” Experiment in Southern Israel // *Political Psychology*. 2014, Vol. 35, Issue 3, pp. 309–445.
6. Hacker K. L., Coste T. G. A political analysis of network television news viewers’ discourse // *Howard Journal of Communications*. 1992, Vol. 3. Issue 3–4, pp. 299–316.
7. Feldman S., Johnston Ch. Understanding the Determinants of Political Ideology: Implications of Structural Complexity // *Political Psychology*. 2014, Vol. 35, № 3, pp. 337–358.
8. Гаджиев К.С. Конец или возрождение идеологии? // *Свободная мысль*. 2016. № 1 (1655). С. 93–104.
9. Баранов А.Н., Северская О.И. Образы России в современном политическом и социально-поэтическом дискурсах // *Языковая личность. Аспекты изучения*. Сб. научн. ст. памяти чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова С. 27–33.
10. Баранов А.Н. Справедливость и равенство: лингвистика и экстралингвистика // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 73–85.
11. Ланин Д.А., Ланина Е.А. «Идеи и знаки. Семиотика, философия языка и теория коммуникации в эпоху французской революции». СПб: Лики России, 2004. 248 с.
12. Рубцов А.В., Любимова Т.Б., Сыродеева А.А. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. MOSCOW, ИФ РАН, 2016. 246 с.
13. Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I. // *Философский журнал*. 2016. Т.9. №4. С. 5–17.
14. Межуев В.М. Философия как идеология // *Философский журнал*. 2017. Том 10. № 4. С. 171–180.
15. Гуревич П.С. Философская экспертиза идеологии // *Философская антропология*. 2018. Т. 4. № 1. С. 8–26.
16. Рыскельдиева Л.Т., Коротченко Ю.М. Текстовый подход в социальной философии // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 51. № 1. С. 153–170.
17. Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст // *Социологическое обозрение*. Том 7. №1. 2008. С. 25–43.
18. Ricoeur P. Can there be a scientific concept of ideology? // *Fenomenology and The Social Science: A Dialogue* / Ed. J. Bien. The Hague: Martinus Nijhoff, 1987, pp. 44–50.

Korotchenko Y.M. Problematization the Criticism of Ideology in Phenomenological Hermeneutics // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 4. – P. 33–40.

The subject of discussion in the article is the means of philosophical criticism of ideology in phenomenological hermeneutics. The aim of the proposed study is to discover the origins of philosophical criticism of ideology and to reveal the role of phenomenological hermeneutics in the formation of a philosophical reflexive approach to ideology. The author connects the novelty of the research results with their embeddedness in ones that are more general and emphasizes that the research is intermediate in nature, being embedded in a more general one with the author's intention to investigate specificity of analytic criticism of ideology and the effectiveness of the synthesis of hermeneutic and analytical approaches to ideological phenomena. The specificity of the philosophical consideration of ideology as unbiased, generalized and non-valuable in relation to its specific varieties is emphasized. It is noted that the unbiased philosophical discussion of ideology is manifested in the fact that it is not an evaluative discussion of any particular ideology, and the generalization of the results is that this is a discussion of the ideological as itself. The foundations for a philosophical and critical review of ideology in a textual approach in social knowledge are revealed. Attention is drawn to the fact that both the textual approach in social science and the inclusion in the object zone of philosophical criticism of such social phenomena as ideology from this point of view were initiated by phenomenological hermeneutics. The author marks that philosophical criticism of ideology appeared to be possible, first of all, due to phenomenological-hermeneutic immersion of the social knowledge subject area into the text reality.

Keywords: ideology, philosophical criticism of ideology, phenomenological hermeneutics, textual approach in social science

References

1. Rubtsov A.V., Lyubimova T.B., Syrodeeva A.A. Prakticheskaya ideologiya. K analitike ideologicheskikh protsessov v politicheskoy i sotsiokul'turnoy real'nosti [Practical Ideology. To the Analytics of Ideological Processes in Political and Socio-Cultural Reality]. Moscow, IF RAS, 2016, 246 p.
2. Kinna R., Prichard A. Anarchism and non-domination // Journal of Political Ideologies. DOI: 10.1080/13569317.2019.1633100 URL :<https://doi.org/10.1080/13569317.2019.1633100> (Accessed: 28 June 2019).
3. Kolvraa C., Forchtner B. Cultural imaginaries of the extreme right: an introduction // Patterns of Prejustice. 2019. Vol.53, Issue 3, pp. 227–235.
4. Umbach M., Clulow Z. The Political is Personal: an Analysis of Crowd-Sourced Political Ideas and Images from a Massive Open Online Course // Journal of Political Ideologies. 2019. Vol. 24, Issue 2, pp. 121–138.
5. Petrović N. EU Ideology // Innovations: The European Journal of Social Science Research. 2016, Vol. 29, Issue 1, pp. 5–76.
6. Zeitzoff Th. Anger, Exposure to Violence, and Intragroup Conflict: A “Lab in the Field” Experiment in Southern Israel // Political Psychology. 2014, Vol. 35, Issue 3, pp. 309–445.
7. Hacker K. L., Coste T. G. A political analysis of network television news viewers' discourse // Howard Journal of Communications. 1992, Vol. 3. Issue 3–4, pp. 299–316.
8. Feldman S., Johnston Ch. Understanding the Determinants of Political Ideology: Implications of Structural Complexity // Political Psychology. 2014, Vol. 35, № 3, pp. 337–358.
9. Gadzhiev K.S. Konets ili vozrozhdenie ideologii? [The End or Renaissance of Ideology?] // Svobognaya mysl' [Free Thought]. 2016. № 1 (1655), pp. 93–104..
10. Baranov A.N., Severskaya O.I. Obrazy Rossii v sovremennom politicheskom i social'no-poeticheskom diskursakh [Russia's Images in Modern Social and Social and Poetical Discourses] // Yazykovaya lichnost'. Aspecty izucheniya. Sb. nauchn. st. pamyati chl.-korr. RAN Yu.N. Karaulova. [Language Personality. Aspects of investigation. Coll. of scientific papers in RUS Corr-Member Yu.N. Karaulov memory], pp. 27–33.

11. Baranov A.N. Spravedlivost' i ravenstvo: lingvistika i ekstralingvistika [Justice and Equality: Linguistics and Extralinguistics] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Science and Modernity]. 2017, № 3, pp. 73–85.
12. Lanin D.A., Lanina E.A. Idei i znaki. Semiotika, filosofiya yazyka i teoriya kommunikatsii v epokhy frantsuzskoy revolutsii [Ideas and Signs. Semiotics, Philosophy of Language and the Theory of Communication in the Epoch of French Revolution]. SPb: Liki Rossii Publ., 2004, 248 p.
13. Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna [Philosophy and Ideology: since Marx to postmodernism / Ed. A.A.Guseynov, A.V. Rubtsov; coll. A.V.Rubtsov. Moscow, Progress-Tradition, 2018, 464 p.
14. Solovyov E.Yu. Philosophia kak kritika ideologiy. Chast' I [Philosophy as a Criticism of Ideology. Part I // *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal]. 2016. Vol. 9, №4, pp. 5–17.
15. Mezhuyev V.M. Filosofiya kak ideologiya [Philosophy as Ideology] // *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal]. 2017, Vol. 10, № 4, pp. 171–180.
16. Gurevich P.S. Filosofskaya ekspertiza ideologii [Philosophical Expertise of Ideology // *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology]. 2018, Vol. 4, № 1, pp. 8–26.
17. Ryskel'diyeva L.T., Korotchenko Yu.M. Tekstovyi podkhod v sotsial'noy filosofii [Textual Approach in Social Philosophy] // *Epistemologiya i Filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. 2017, Vol. 51. № 1, pp. 153–170.
18. Ricoeur Paul. The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text // *Sotsiologicheskaya obozreniye* [Sociological Review]. Vol. 7, №1, 2008, pp. 25–43.
19. Ricoeur P. Can there be a scientific concept of ideology? // *Fenomenology and The Social Science: A Dialogue* / Ed. J. Bien. The Hague, Martinus Nijhoff, 1987, pp. 44–50.